

ЧУДО
МОСКВИЧИ

Раиса ЗЕЛИНСКАЯ:

ТРИ КВАДРАТА МЕНЯ РАССМЕШИЛИ Чтоб нам так смеяться в 90 лет!

— Я прожила XX век. Он целиком мой, со всем, что в нем было. Каким я его видела?

— Это на выставке, открывающейся сегодня в Третьяковке на Крымском валу.

...Коренная москвичка, знающая свою родословную со времен Ивана Грозного, дочь гениального химика, живописец, воспитанная знаменитыми мастерами XX столетия... **Какая она, Раиса Николаевна Зелинская? Может быть, недоступная аристократка?**

Ольга НИКОЛЬСКАЯ

Открыла сама. Стройная, не по возрасту подвижная женщина. Извинилась:

— Не совсем хорошо себя чувствую! Кажется, перетрудилась...

— **Какие-нибудь хлопоты по дому?** — спрашиваю художницу, которой 90 лет.

— Что вы! Писала в своей мастерской — три трамвайных остановки отсюда. Тут такой случай. Была в магазине — увидела великолепнейшую натуру, красавицу удивительных форм. Просилась на холст. Уговорила ее позировать. Три дня писала. Портрет готов.

— **С кем можно сравнить вашу портретируемую? С красавицами Кустодьева или Сомова?**

— Куда нам до них! Правда, моя героиня тоже замечательная женщина. Одета модно. Но разговорилась у мольберта — несчастная. Таких сейчас много. Выходят замуж куда зря. Но какая натура! Я выбираю не по знаниям, а по лицу. Меня привлекают либо интересная внешность, либо необыкновенный характер. Я всегда стремилась найти свою модель.

— Вы жили в семье, где бывали знаменитости. Часто писали персон с громкими именами?

— Папа, потом муж Альфред Платэ и сын Николай — все ученые-химики. Часто писала их коллег, известных в науке. Виталия Хлопина, Михаила Дубинина, Константина Чмутова, Николая Кочеткова. Этот был моей любимой моделью, настоящий кондотьер XVI века! Писала летчика — генерала Георгия Байдукова, директора Русского музея Василия Пушкирева. Главное для меня всегда ха-рак-тер.

— **Кто вас надоумил стать живописцем? Или вы сами...**

— Однажды у нас на даче был художник. Наблюдала, как он пишет этюды. Заметил мой интерес, он оставил мне кусок холста и краски, когда уезжал. Тоже написала этюд. В нем — радость, солнце. Папа повесил его на стенке. Картинку увидел Грабарь, резюмировал: «Дочь способна, но здесь много вранья, а еще замахнулась на солнце. Нужно учиться».

Тогда я училась в Гнесинке, вся живопись воспринималась через

«Марина». Только что написанный портрет

музыку. Увлекалась Кандинским, Чюрленисом. Стала подписывать свои абстракции «Прелюдия» и в таком роде. Ужасно тянуло к живописи. Но куда пойти учиться? Во Вхутемасе — большие авторитеты. Но в ту пору рисунок там был отменен, гипсы выкинули с верхнего этажа, разбив вдребезги. Вместо вхутемасовского дома с полуротондой пошла через Мясницкую в дом № 24, в студию прекрасного художника и преподавателя Федора Рерберга. Он был братом архитектора Ивана Рерберга, построившего Киевский вокзал и Телеграф. Посмотрел мои абстрактные композиции — рассердился: «Это никуда не годится! Но возьму вас на пробу...» Несладко было. Никак не удавалось вписать в холст модель — то голова не помещается, то ноги.

Как ни прыгала у мольберта. Потом втянулась. Стала ходить на занятия даже по вечерам — на рисунок и интереснейшие лекции по истории искусства.

— **Значит, вы ученица Федора Рерберга?**

— Это было только начало. В 1931 году все частные студии покрывали. Нас взял под свое покровительство Грабарь. Игорю Эммануиловичу благодарна на всю жизнь. Он не давал ни малейшей возможности зазнаться. Не понравится — заставит мастихином стереть всю живопись с грунта. Но мы смирились. Не каждому дано учиться у Грабаря, глаз которого восхитил самого Клода Моне. Пришло время идти в Суриковский институт. Попала в мастерскую Иогансона. Он был искусственный мастер. Но в нем брал верх интерес к высокому положению, амбиции были выше преподавательских. Человек с вкрадчивой кошачьей походкой, потом он ушел из института, оставив нас Осмеркину.

— **Вам опять повезло?**

— С Осмеркиным — конечно. Александр Александрович — красавец-мужчина, не в кинематографическом, разумеется, смысле. В его неправильном лице было нечто, что светилось. Мы все были под его обаянием. Элегантный мужчина, всегда носил галстук-бабочку, ходил в хорошо сшитом костюме, но обязательно заляпанном краской. Он никогда не вынимал изо рта давно потасую трубку и вечно бил по карманам, ища и не находя спички.

Осмеркин прикрепил кнопками к двери репродукцию с Веласкеса: извольте всматриваться,

как вставлен в портрете глаз. У Александра Александровича все, под стать ему самому, работали увлеченно. Закончила институт я прямо перед войной.

— **Отражалось ли время в ваших работах? Ведь вы редко писали тематические картины, а больше портреты, натюрморты с цветами?**

— В 1939 году на Оке написала пейзаж «Перед грозой». То было время тревожных предчувствий. В таких случаях будто не сам водишь кистью. Наивно полагать, что от жизни вокруг можно не зависеть. Я прожила XX век, он целиком мой, со всем, что в нем было, — сложностями и счастьем. Время отражается на лицах людей.

— **Каким образом это видно сейчас, когда началось новое тысячелетие?**

— Едешь в метро — видишь, насколько мало стало одухотворенных лиц. Унылая картина. Все в какой-то растерянности, озабоченности. Выручает только юность, когда впрорхнет в вагон. Жизнь ребят рождает оптимизм.

— **А выставки? Как вам молодые художники?**

— Слишком однообразны. Человек испытывает радость, счастье, когда он что-то преодолевает в себе, берет препятствие. Я всю жизнь брала препятствия, от того на душе было радостно. Только преодолевая себя, чувствуешь, что ты личность. Сегодня идешь по залам Центрального дома художника — никаких личностей, все одинаково. Плати деньги — выставляй что хочешь. Агрессивная самостоятельность господствует и в живописи, и в музыке. Малевич пришел к одному

Виктор ВЕЛИКУЛИН

Раиса Николаевна в своей мастерской. С этим мишкой сын играл полвека назад

квадрату. Недавно увидела картину с тремя квадратами. Она меня рассмешила.

— **Считается, что это свобода творчества...**

— Наоборот. Никакой свободы. Пляска под общую дудку. Нужно устать, чтобы почувствовать прелесть отдыха. Нужно самоограничение, чтобы почувствовать свободу. Профессионализм раскрепощает личность. Он в нашей семье считался мерилом всего. Отец был целиком погружен в науку, мама, профессиональная пианистка, — в музыку. У нас в квартире была специальная дверь с проходом в лабораторию. Папа вставал ночью, брал бутерброд для человека, который следил в это время за ходом реакций, и шел в лабораторию. Им двигала любовь к делу.

— **Он был самым знаменитым химиком в СССР, создателем научной школы. Вы хотели пойти по его стезе? Любили химию?**

— Нет. Папа пытался привить мне интерес и брал с собой в лабораторию: смотри, только не мешай! Там я не задерживалась. Любила спускаться в подвал большого химического корпуса в стеклодувную мастерскую. Вот где красота была — формы, цвет! Обожала сидеть в подвале. Папу это не радовало.

— **Насколько знаю, вы коренная москвичка. Откуда ведете свой род?**

— Из Новгорода Великого. Ко-

гда Иван Грозный разгромил древний город, кого убил, кого вывез в Москву. С тех пор мы москвичи. Люди среди предков были известные. Например, прапрадед Алексей Федорович, военный инженер и композитор — создатель хоровой капеллы. Он был дядей Николая Александровича Львова, архитектора, художника, поэта, музыканта, который построил улочкой дом на Воздвиженке, усадьбу на улице Обуха или Воронцовом поле.

— **Что, по вашему мнению, нужно восстановить в Москве?**

— Скорее нужно кое-что убрать из того, что затесалось в центр, портит виды, дорогие мне с детских лет. А если восстанавливать — Сухареву башню. Это боль душевная. Помню и прежний храм Христа Спасителя. Хорошо, что его восстановили. Но теперь нет лестницы, спускающейся к реке. Я здесь гуляла с няней. Можно было присесть у памятника Александру III, выйти на набережную к воде. Рядом и сейчас стоит красивый дом Перцова, специально построенный для художников. Прежде в нем жили Фальк, Куприн, Рождественский. Мы дружили семьями. Потом их вдов бесцеремонно выселили со всем наследием, «осчастливив» стандартными квартирами на Можайском шоссе — дом отдала дипкорпусу.

— **Кому в Москве нужно поставить памятник в первую очередь?**

— Сурикову! За все, что он сделал для русского искусства. Какая у него могучая, роскошная живопись! Городские власти, кажется, думают так, как я, и собираются поставить памятник на Пречистенке, против Академии художеств.

— **Что вы покажете на выставке в Третьяковке?**

— Это будет ретроспективная выставка, посвященная моему 90-летию. Там будут работы 30-х, 40-х, 50-х и других годов. Картины отбирали решительные женщины. У них глаз пристрелян. Но у картин, я думаю, никого не будет. Раньше мы ходили на выставки, чтобы среди официальных полотен найти работы интересных авторов. Глаз же современного молодого человека не настроен на живопись XX века. Он спешит видеть только новое, новое, новое. Сейчас если ходят на выставки, то больше потусоваться.

— **Раиса Николаевна! Позвольте хотя бы немного усомниться в ваших словах. Тем более что вы говорите и смеетесь...**

— Когда смеешься — лучше себя чувствуешь. Не люблю только, если смеются, чтобы заполнить паузу в разговоре. Вообще без смеха и юмора прожить долгую жизнь невозможно.

— **Юмор повышает тонус жизни?**

— Да. И еще приятная беседа за бокалом хорошего вина.